

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-460-476

EDN: QCVLKC

Особенности восприятия и конструирования сакральных образов представителями поколения Z (на примере студентов технического вуза Республики Башкортостан)*

И.И. Еникеева

Уфимский государственный нефтяной технический университет,
ул. Чернышевского, 145, Уфа, 450078, Россия

(e-mail: zekrist@mail.ru)

Аннотация. Актуализация проблемы религиозности молодежи и характер ее научной интерпретации на примере студенчества, представителей поколения Z (центениалы, Gen Z), обусловили выбор проблематики статьи. Ее цель — охарактеризовать собственные центениалы установки и оценки разных феноменов религиозного характера, которые воспроизводятся в молодежной среде, а также в интерпретации знаний о ней. Теоретической основой анализа послужили идеи социального конструкционизма, помогающие понять, как молодежь принимает участие в создании такого социального конструкта, как религия. В статье обобщены результаты социологического исследования представлений о религии у студенческой молодежи крупного регионального вуза — Уфимского государственного нефтяного технического университета (Республика Башкортостан). В опросе приняли участие студенты, рожденные после 1995 года, в возрасте от 18 до 26 лет (N = 1900); была использована анкета с закрытыми вопросами, нарративное интервью и фокус-группа со студентами направления «Восточное регионоведение». По результатам опроса были охарактеризованы молодежные представления о религии, соблюдение религиозных традиций и практик, их распространение в региональном сообществе, истоки религиозных настроений и установок современной молодежи, воспроизводимые и конструируемые в соответствующих сообществах. Автор отмечает отсутствие единства в разных аспектах отношения к религии, что свидетельствует о размытости и эклектичности религиозных представлений у поколения Z. Несмотря на то, что студенты декларируют самые разные проявления религиозности, просматривается взаимосвязь религии с бытийным представлением о мире независимо от характера вероисповедания. Образы сакрального выходят за контуры представлений студенческой молодежи о религиозном мировоззрении, что обусловлено способом конструирования знаний о реальности и потребностью индивида в сакрализации знания. Компаративистский анализ конструирования образа сакрального мусульманскими и православными центениалами показал региональную специфику — мусульмане более религиозны; преимущественно религиозная традиция транслируется из поколения в поколение мусульманской частью Gen Z, и, наоборот, конструируется православными студентами в контексте доступных социальных трендов. Однако сохраняется общая тенденция —

*© Еникеева И.И., 2024

Статья поступила в редакцию 13.06.2023 г. Статья принята к публикации 26.01.2024 г.

религиозная идентичность верующего не основывается жестко на определенной традиции, а конструируется при помощи доступного ему знания и изменяется при получении нового, что является характерной чертой поколения Z.

Ключевые слова: религия; студенческая молодежь; поколение Z; религиозные представления; социальное конструирование; социальная реальность; идентичность

Социокультурная ситуация как в масштабе отдельных стран, так и мира в целом характеризуется ростом «религиозно окрашенных» событий и происшествий, причем религия становится не только духовной, но и политической (или политизированной) переменной. Поэтому анализ религиозных установок, в частности, молодого поколения — одна из важнейших составляющих развития государства и обеспечения его национальной безопасности.

Традиционным дисциплинарным полем исследования проблем «молодежи и религии» выступает философия религии, однако, согласно Б. Тернеру, главной проблемой таких исследований оказывается недостаточное внимание к эмпирическим данным. Философское обсуждение кризиса религиозной веры и авторитета религиозных ценностей часто игнорирует эмпирические данные, полученные социологией [9]. Сегодняшняя ситуация в российской социологии религии рассматривается с позиции становления новой модели исследований (на фоне утраты модели советского типа) — самостоятельной социологической теории религии на основе широкого эмпирического изучения сложной религиозной ситуации в стране [12. С. 71–80]. Исследованию религиозности российского общества в целом и молодежи в частности посвящено множество работ отечественных социологов, однако не все эти работы отражают сравнительные характеристики верующих и неверующих россиян, социальный портрет современного верующего и не всегда преследуют цель рассмотрения проблем становления религиозности студенческой молодежи сквозь призму социального поведения и социологического измерения религиозности как социального феномена.

Среди исследований российских авторов, в которых в той или иной степени представлены религиозные ориентиры современной молодежи, можно назвать изучение стереотипизации в области этнорелигиозных отношений в молодежной среде [16], сравнительный анализ отношения к богу и веры в загробную жизнь [10; 11], оценку отношения молодежи к религии (религиозная самоидентификация студентов, гендерная специфика молодежной религиозности, мнение студентов о месте и роли религии в современном обществе) и т.д., хотя нередко авторы, используя результаты опроса и фиксируя рост религиозности среди российской молодежи, не приводят доказательств данного роста и высказывают весьма дискуссионные положения, однако, безусловно, у «атомизированного человека на первый план вышла терапевтическая функция веры, которую не надо отождествлять с компенсаторной, ориентирующей на загробное воздаяние». Другая особенность большинства работ — их коли-

чественно-эмпирический характер, т.е. попытка представить реальный срез общественного мнения. Недостаточное применение качественных методов не позволяют понять социальные, психологические и гносеологические детерминанты религиозности современной молодежи, определить колебания в религиозном сознании представителей молодого поколения, а главное — понять, как воспроизводятся смыслы и знания о религии, отношение к ней в привычной повседневности и в пока еще не освоенной ее части в рамках духовного роста и саморазвития, имманентно присущих молодым людям.

Что касается зарубежной социальной науки, то в последние десятилетия для нее также характерен повышенный интерес к проблеме «молодежи и религии». В частности, С. Коллинз-Майо, комментируя результаты международного эмпирического исследования, направленного на изучение религиозности европейской молодежи, отмечает «рост и социологическое значение религиозного разнообразия среди молодых людей» [24. С. 12], говорит о «субъективном повороте постсовременной культуры», порождающем вектор «индивидуализации и субъективности» молодого поколения Западной Европы. Такая тенденция подтверждает сформировавшуюся дифференциацию не только концептов веры, но и в целом духовности и религиозности, поэтому межпоколенная трансмиссия религиозных традиций становится все более затруднительной. Религиозное сознание как явление социокультурного порядка не может развиваться вне общества, как не может и транслироваться на личностном уровне: для любого субъекта религиозные истины вне религиозного общества будут «относительны» и «не важны» [24. С. 18].

Другие авторы также отмечают религиозные трансформации среди подростков, например, делая на основе эмпирических данных вывод о спаде религиозности среди американской молодежи и отмечая тенденцию ее идентификации с верующими, но не с религиозными людьми, а также разграничение веры и религии, что в целом осложняет «духовный путь, пролегающий через юность» [21. С. 23]. Корреляционный анализ между посещением церкви и законопослушным поведением молодежи показал, что те юноши, кто на постоянной основе посещали церковь, в будущем не становились наркоманами, асоциальными личностями и правонарушителями, т.е. исследователи смогли развенчать достаточно популярный на Западе миф, что во взаимоотношениях индивида религиозное сознание никоим образом не отражается [25]. Также была отмечена зависимость между активным развитием рынка цифровых продуктов и услуг и спадом социальной роли традиционных религиозных ценностей — духовность «не идет рука об руку с религиозностью» [28. С. 27].

Таким образом, анализ отечественных и зарубежных социологических исследований, актуализирующих проблемы образов сакрального в молодежном сознании, показал необходимость дальнейшего изучения «макета» социальной действительности, иллюстрирующего внутреннюю природу истоков религиозных настроений и установок современной молодежи, кото-

рые воспроизводятся в соответствующих сообществах. Еще более сложным выглядит дискурсивное воображаемое — описание сакрального в социальном пространстве поколением Z, особенно с учетом нехватки компаративных исследований конструирования образов сакрального у мусульманской и христианской (православной) молодежи, и этим обусловлен выбор социально-конструкционистского подхода П. Бергера и Т. Лукмана в качестве концептуального основания исследования [2].

Поскольку цель социального конструкционизма — выявление путей, с помощью которых индивиды и группы участвуют в создании воспринимаемой ими социальной реальности, то необходимо изучать, как воспроизводятся религиозные дискурсы среди молодежи в процессе совместного конструирования представлений и предположений о мир. Социальная конструкция — это значение, понятие или коннотация, приписываемые объекту или событию сообществом и принимаемые акторами этого сообщества как основа восприятия или отношения к объекту или событию. Социальная актуализация проблемы религиозности у поколения Z на примере студенческой молодежи Уфы требует изучения, потому что это поколение играет значительную роль в современной культуре как наиболее подверженное влиянию технологических изменений.

Положение поколения Z как будущих потребителей и производителей означает, что оно окажет существенное воздействие на разные аспекты социальной реальности, и необходимо понимать, как меняется восприятие соответствующих понятий поколением Z в разных контекстах.

Цель исследования — в процессе сбора и анализа социальных фактов соединить количественный анализ с качественным, что позволит понять природу мотивов поколения Z, его мнений и оценок в отношении разных феноменов религиозного характера. Опрос проводился в аудиториях Уфимского государственного нефтяного технического университета, крупного регионального вуза (Республика Башкортостан). Была использована простая случайная выборка (принцип механического отбора с равным интервалом): объем генеральной совокупности — 19000 человек, выборочной — 1900, статистическая погрешность — 3,7%. Возраст респондентов — 18–26 лет, 40% — юноши, 60% — девушки, провели большую часть детства в деревне 30%, в городе — 70%. Для отбора участников фокус-группы была использована анкета, которая отражала характер и квотные признаки потенциальных респондентов для формирования относительно однородного состава группы из 8 человек. Помимо онлайн-анкетирования на основе закрытых вопросов (выбор одного ответа по пятибалльной шкале), объединенных в три тематических блока (сущность религии, определение идентичности, перспективы религии), был использован метод нарративного рассказа в ходе фокус-группы (без наводящих вопросов и подсказок) для глубокого изучения мнений респондентов, понимания связей между понятийными доменами, внутренних противоре-

чий, распространенных в изучаемой среде мифологем и идеологем. Микро-нарративы повседневности, представленные отдельными индивидами поколения Z, показывают схемы понимания и поведения, особенности отношения к чужому и кризисы молодежной культуре, позволяют типологизировать выборку по изучаемым индикаторам и проводить контент-анализ лексических структур для выявления скрытых настроений и стереотипов. Результаты интервью были согласованы с данными, полученными в ходе анкетного опроса.

Первый вопрос был направлен на определение понимания молодыми людьми религии как таковой. Считается, что в наибольшей степени для Gen Z характерны две категории духовности: «экстра-теистическая» — связанная с имманентной религиозностью, поисками смысла жизни, благоговейным восприятием прекрасного — и «этическая» — правильное моральное поведение, помощь людям, преодоление эгоизма, добросердечие и т.д.) [23. С. 63]. Именно они приводят к «духовной, но не религиозной» позиции, которая становится важным индикатором (не) религиозности поколений Y и Z [23. С. 54]. Особое значение при этом обретают личная свобода, творческий потенциал, физическое благосостояние (здоровье), самореализация и обретение смысла жизни, единство и гармония с миром. Изменение перспективы от института к индивиду выражается в диаде «религия — духовность»: 64 % опрошенных считают, что религия — это «комплекс психотерапии, который дает душевный комфорт», «инструмент, канал очищения от негативной эмоции». 29 % опрошенных полагают, что религия — это вера и культ: «вера — это то, в чем убеждены большие группы людей, и она иррациональна»; «это опиум народа»; «вера существует потому, что люди уходят от проблем, либо потому что тяжелые времена и нужно как-то справляться с проблемами». Участники опроса также отметили, что религия — это особый вид знания (7 %), который «дает ответы на вопросы, которые не может дать наука».

Ответы респондентов на вопрос «Верно ли утверждение, что кто-то создал вселенную?» разделились, но все же большинство допускает, что вселенная была создана некими силами (60 %): «на этот вопрос сложно дать ответ, потому что человек исследует его путем рационального познания, т.е. только так, как он может воспринимать в силу человеческой природы. Ну что, если вселенная была создана иначе, и человек не способен это познать?». Те, кто предложил обратное — вселенная возникла в процессе материальной эволюции мира (40 %), объясняют свою позицию так: «Сама по себе создавалась благодаря законам физики. Если говорить научно, то ее создали просто какие-то физические силы, не когнитивные силы, а силы физические и химические». Разброс оценок молодых респондентов, вероятно, связан с тем, что одним хочется верить в помощь высших сил (своеобразная жизненная опора или способ снять с человека ответственность за его действия), а другие верят в собственные силы как позволяющие добиться желаемого.

В вопросе о религиозности/нерелигиозности молодых людей почти половина опрошенных (47 %) назвала в качестве причины неверия то, что религия выступает и как миф, и как общий исторический тип мировоззрения, и как средство управления человеком и обществом. Более трети студентов (35 %) считают, что причина неверия в бога кроется в том, что нет убедительных доказательств его существования: *«Я раньше верила, а потом я услышала про случай, как священник в подвале держал детей... Религия сильно политизирована, это своего рода ресурс. И вот некие святые отцы учат вере, а, по существу, сами неверующие. А есть монахи — они живут оторвано от общества, возможно, они глубоко верующие, но открытой вере доверия нет»*. 18 % студентов ответили, что являются верующими, из них мусульманами назвали себя 69 %, православными христианами — 18 %, просто верующими в бога — 13 %.

Отметим, что в Уфе, как и в целом по региону, наблюдается благоприятная поликонфессиональная среда, которая способствует преемственности религиозных традиций, сложившихся в республике. По данным переписи населения 2021 года, на территории Республики Башкортостан проживают представители более 130 национальностей, народов и народностей разных конфессий. Верующие определяют свою религиозную идентичность, исходя из этнической принадлежности или пребывая в определенной культурной традиции. Этнических мусульман в республике более 2,3 млн, этнических православных — около 1,5 млн (население республики — 4 млн). Ислам и православие — ведущие конфессии, их объединения составляют 90 % религиозных организаций (71 % — исламские, 19 % — православные). Протестантские сообщества (баптисты, адвентисты, пятидесятники, мормоны т.д.) и нетрадиционные верования (старообрядцы, буддизм, неоязыческие верования) составляют около 10 %, еврейская община — 2 %. Религиозный выбор как у мусульманской части Gen Z опрошенных, так и у православной, в первую очередь определяется первичными агентами социализации — матерью и отцом, а также ближайшими родственниками, что подтверждается положительным ответом на вопрос «Разделяете ли Вы религиозную принадлежность одного или обоих родителей?» (64 %).

Под «сакральным образом» респонденты понимаются «комплекс представлений о чувственно-конкретной форме существования святого, Бога» (68 %), «воображаемое, которое предполагает существование истинного, ценного, воплощенного в каком-то конкретном образе, к примеру, особые слова, символы или аллегории, или неких особо ценных вещей» (21 %). Сравнение образа сакрального у респондентов-мусульман и респондентов-православных показал ряд различий, напрямую связанных с «корнями» (Рис. 1): мусульманская часть поколения Z провела большую часть детства в деревне (65 % против 36 % в селах), у православной это соотношение — 37 % и 63 %. Сельская и городская среды наложили свой отпечаток на дискурсивное вооб-

ражаемое, описывающее сакральное в социальном пространстве поколения Z. Для сельских зумеров, среди которых большинство мусульмане, характерна прилежность в намазе и чтении Корана, они гораздо ближе знакомы с шахадой, чем городские центениалы, среди которых большинство православных — с символом веры. Важной особенностью взглядов жителей сельских районов, на территории которых находятся священные места Башкирии, является то, что они имеют особые представления о божествах этих священных мест, легендах и сказаниях, проявляют уважение к природе через религиозные практики — посещали мусульманские святыни (гора Ауштау и родник Аулия; гора Нарыстау и святой источник; шиханы Торатау, Шахтау, Юрактау, Куштау; мавзолей Хаджа Хусейн-бека и др.).

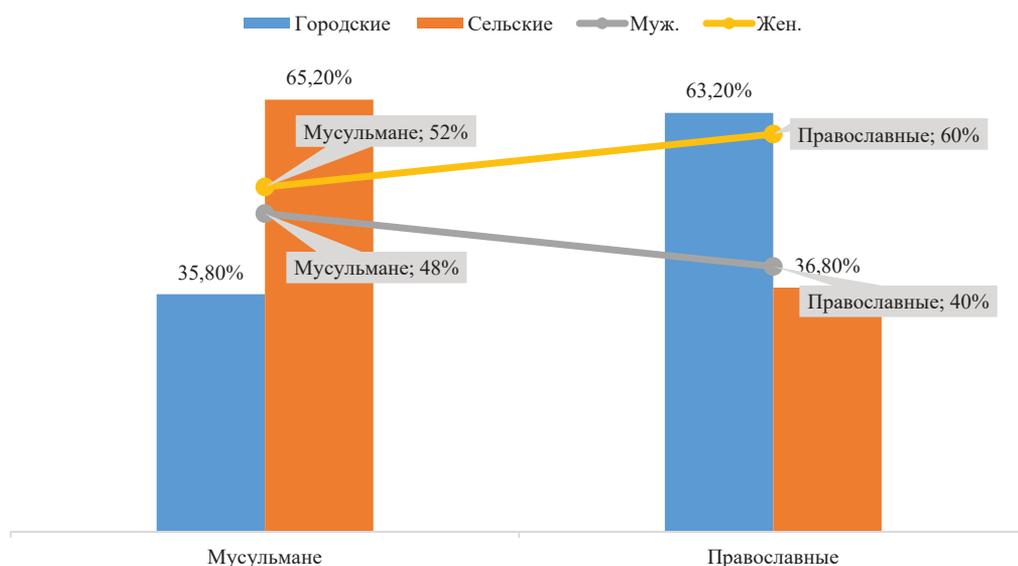

Рис. 1. Факторы дифференциации образа сакрального у мусульман и православных

Доля нерелигиозных мусульман, верящих в бога, выше, чем у православных (62 % против 38 %), однако православные центениалы гораздо чаще посещают храм, но реже читают Евангелие, хотя бы один раз посетили священные места республики (Богородице-Табынский женский монастырь, Покрово-Эннатский мужской монастырь, Свято-Сергеевский кафедральный собор, Успенский Свято-Георгиевский мужской монастырь (Святые кустики) и др.). Мусульмане — более сбалансированная по полу группа, чем православные (юноши — 48 %, девушки — 52 %), доля женщин выше у православных (60 %). Вероятно, религиозная традиция передается из поколения в поколение в большей степени у мусульманской части поколения Z и, напротив, зависит от социальных тенденций у православной части молодежи.

Принимая во внимание, что верующие составляют лишь пятую часть опрошенных, можно предположить, что формирование религиозной идентичности в современном постмодернистском обществе похоже на поиск ответа на вопрос, с которым сталкивается «бездомный бродяга», — «куда ведет мой путь земной?» [8]. Иными словами, человек в современном обществе, в отличие от традиционного, решает задачи, как «получить» религиозную идентичность и заставить других признать ее (например, быть и считаться православным), какая религиозная идентичность ему ближе, какая разновидность веры позволяет самореализоваться, как изменить ее после того, как ее привлекательность исчезнет, что закономерно приведет к тому, что верующие утратят веру в единственный выбор конфессии [6]. На вопрос о возможности смены вероисповедания, обусловленной международными событиями или миграцией, голодом или пандемией, техническими инновациями или политическими потрясениями, был получен однозначно отрицательный ответ — 96 % (затруднились ответить 4 %).

Таким образом, ответы респондентов демонстрируют высокий уровень первичной, во многом внешней религиозности, основой для которой служит особая роль ислама и православия на территории Республики Башкортостан: *«Да, мы не допускаем переход в другие конфессии. Вероисповедание изначально неосознанное, а потом осознанное. Но если кто-то изначально был осознанным христианином, а потом мусульманином стал, то появляются вопросы»*. Ответы респондентов соответствуют конструктивистской модели Бергера и Лукмана, выражающей субъективное ощущение взаимосвязи с религиозной группой и позицией значимой религиозной группы для формирования Я-образа. Среди респондентов распространен и так называемый поиск идентичности, критическое сомнение (Рис. 2): *«Я ходила в воскресную школу, и было время, когда я интересовалась, размышляла и пришла к вере»; «Были тяжелые времена, открылись внутренние душевные раны, и я находил поддержку в вере»; «Я не верю, но было желание порой прийти в церковь и свечку поставить»; «Я не верю, хотя все обряды знаю. У меня дедушка мулла. С ним беседую на религиозные темы, но не более»*. Такой подход в контексте современного «текущего» состояния российского общества, в котором религиозная идентичность конструируется не в жестких рамках определенной традиции, а выстраивается посредством знаний и трансформируется при получении нового знания, — характерная особенность представителей поколения Z.

Роль религии в обществе как инструмента поддержания морали и ответственности воспринимается большинством опрошенных неоднозначно. С одной стороны, религия формирует мировоззрение, массовое сознание, способствует укреплению порядка (62 %). С другой стороны, в обществе происходит разделение на верующих и неверующих, что может порождать социально-религиозные конфликты (38 %). Однако, несмотря на отсутствие четких религиозных представлений и неоднозначное восприятие проявлений религии

в современном обществе, большинство опрошенных уверены в необходимости религии, поскольку вера способна сплачивать общество, снижая степень жестокости и равнодушия: *«Я верю в силу, сплачивающую людей. Разве не чудо, что люди собираются вместе, в едином сообществе и разделяют единые нормы и авторитеты»; «Каждому нужно во что-то верить. Жить легче от того, что люди знают, что кто-то есть, кто поможет в решении проблем».* Но при этом *«вера не должна внушаться и навязываться, так как в свободном выборе вероисповедания скорее всего лежит залог доверия в соблюдение религиозных норм, а главное — искреннего чистосердечного принятия самой веры; чем чище сам человек, добродетелен, тем больше благ он получит».*

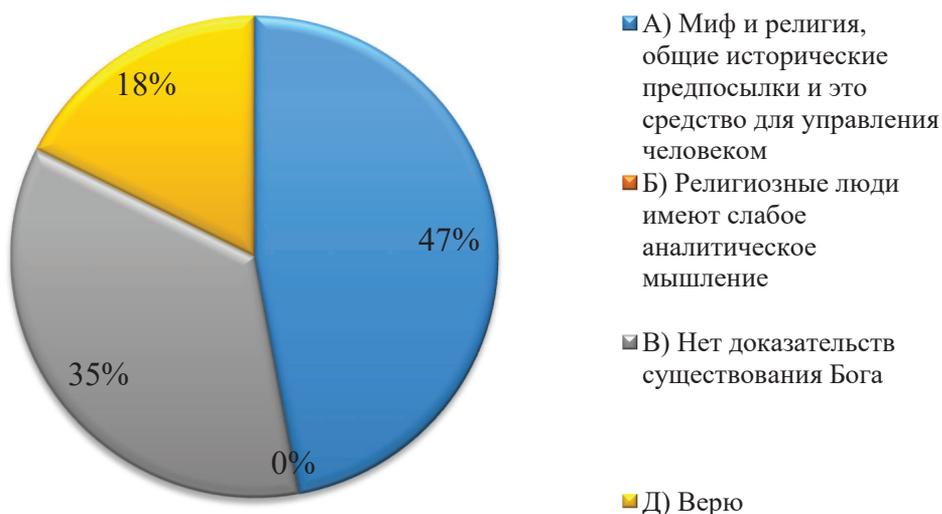

Рис. 2. «Почему вы не верите в Бога?»

Отвечая на вопрос, какой будет религия через сто лет, большинство (97%) назвали ее цифровой характер: *«Возможно какие-то религии останутся, типа христианства, буддизма, но пожертвования будут, например, в крипто-валюте, или храм построят не из бетона, а в виде голограммы»; «Появятся новые верования — вера в нейросети, вера в искусственный интеллект или иные существа. В будущем появятся новые люди — колонисты на других планетах, которые будут отделены от земной веры, и им, родившимся на других планетах, будут непонятны верования землян»; «религия будущего — это технологии».* Лишь 7% ответили, что религией будущего будет этика атеизма.

Полученные данные подтверждают сильную сторону конструктивистской идеи, что социальные феномены, особенно религиозные, не имеют иной независимой основы, кроме как ментальные и лингвистические представления, которые люди развивают вокруг этих феноменов на протяжении истории и делают своей общей реальностью. Опрос показал, что некоторые социальные конструкции очевидны (например, деньги или концепция крипто-валюты) в том смысле, что студенты согласились придать им важность/ценность, а другие противоречивы и горячо обсуждаются (например, религия будущего). Расхождения в представлениях студентов о современной религии можно интерпретировать как свободу от религиозных догматов, проявление «религиозного творчества» — в отсутствии религиозного воспитания и определенной культурной традиции, когда каждый создает собственную картину духовного мира. В этом отношении социология религии неслучайно фиксирует разрыв между религиозной традицией и индивидуальным духовным выбором, обозначаемый П. Бергером как «религиозная еретичность»: свободный выбор и конструирование духовной реальности из многих религиозных традиций и культов становится требованием времени — это «еретический императив» [2].

Достоверность анкеты оценивалась с помощью коэффициента Кронбаха: надежность анкеты была оценена в 0,94, что свидетельствует о высокой надежности. В ходе анализа данных баллы, связанные со всеми переменными, были проверены с помощью теста Колмогорова — Смирнова; убедившись, что баллы распределены правильно, была использована параметрическая статистика. Согласно данным в таблице 1, коэффициент различия между средними выборочными величинами по шкале «религиозная принадлежность» равен 2,1 при $p < 0,01$, по шкале «соблюдение религиозных обрядов и традиций» — 2,9 при $p < 0,05$, по шкале «разделяю религиозную принадлежность одного или обоих родителей» — 2,12 при $p < 0,01$, что подтверждает значимость коэффициентов и достоверность данных.

Таблица 1

Ответы на вопросы о религиозной идентичности (%)

Шкала	Да	Нет	Коэффициент различия
Верно ли утверждение, что кто-то создал вселенную?	20,3	25,8	2,7
Ваша религиозная принадлежность?	26	19,1	2,1
Разделяете ли Вы религиозную принадлежность одного или обоих родителей?	20,4	19,7	2,12
Вы соблюдаете религиозные обряды и традиции?	20,5	27,2	2,9
Считаете ли вы, что религию нужно сохранить, хотя бы за то, что она поддерживает нравственность и мораль?	26	18,2	2,87

На следующем этапе выяснялась структурная организация исследуемых показателей — тип взаимосвязи между религиозной идентичностью студентов и их родителей — при помощи коэффициента корреляции Пирсона: $-0,09$ статистически не значим ($p > 0,05$), т.е. нет связи между религиозной идентичностью студентов и их родителей. Соответствующие показатели между религиозной идентичностью и возможной сменой исповедания — $-0,16$ ($p < 0,05$), т.е. существует связь между текущей религиозной идентичностью и возможной сменой вероисповедания (молодые люди с выраженной идентичностью скорее всего не сменят вероисповедание).

Что касается дискурсивной конструкции воображаемого сакрального у поколения Z, то, во-первых, теологические рассуждения встречаются не только у верующих в бога центениалов, но и у неверующих, в том числе ярых атеистов, которые самым решительным образом отвергали веру в бога. Более того, большая часть верующих, независимо от религии, допускают возможность не участвовать в религиозных практиках, т.е. теологические взгляды конструируются у поколения Z в зависимости от социальных условий. Во-вторых, эмпирические данные позволяют сравнивать образ сакрального у мусульманской и христианской (православной) молодежи, у которой религия и идентичность представлены как элементы конструирования собственного «Я» и трансляции смыслов. Религиозные традиции православия в большей степени, чем ислама, выстраиваются субъектами в контексте социальных тенденций, тогда как ислам, сохраняя требование жесткого следования традициям в регионах и странах своего влияния, смягчает религиозность за пределами мусульманских территорий, частично принимает ценности окружающей среды и сохраняет религиозную и культурную самобытность на индивидуальном уровне [12].

Вера в то, что жизненные события имеют глубокий смысл и происходят по какой-то причине, явно связана с религиозными убеждениями центениалов [1; 18]. Молодежь склонна интерпретировать события как вызванные метафизическими или сверхъестественными силами и обращается к Богу за объяснением, особенно когда важные жизненные события трудно поддаются логике и не подкрепляются материальными причинами. Однако мы считаем, что фокус теологических представлений — побочный продукт универсальных социальных и когнитивных искажений, которые трансформируются молодежью в религиозный дискурс и совместные представления о мире о действительности (вера в душу, божественное творение и загробную жизнь) с точки зрения свободы воли, цели и замысла [22; 26]. В то же время результаты исследования подтверждают, что поколение Z является наименее религиозным — отношение к религии у молодых поколений скорее прагматичное [19; 20], большинство центениалов называют себя неверующими и не принимают религиозных взглядов как основу своей духовной жизни.

Безусловно, религиозные ценности и семейное воспитание взаимосвязаны [29] и оказывают прямое влияние на конструирование социальной реальности. Более того, связи между религиозностью родителей [30] и семейными установками и предпочтениями поколения Z также важны в изучении конструирования идентичности. В раннем детстве родители выступают ключевыми социализирующими агентами в развитии представлений своих детей о воспитании и семье [27]. Большинство исследований показывают, что религиозность играет центральную роль в создании и укреплении традиционных представлений о роли семьи, однако некоторые работы подчеркивают особую роль отцов в развитии детей [30]. В нашем исследовании 80 % центениалов не разделяют религиозные убеждения своих отцов и самостоятельно конструируют образы сакрального в контексте своей культуры, а также идентифицируют себя с определенным религиозным сообществом на основе индивидуально-личностных черт и специфики участвующих социальных субъектов. В этом смысле поколение Z демонстрирует «радикальный разрыв с ожиданиями, поведением и моральными устоями отцов», однако представления данного поколения о том, какие категории-конструкты полезны для прогнозирования и понимания поведения людей, сильно различаются в зависимости от культурного контекста [4; 13], что указывает на значимость культурных сигналов в формировании этих убеждений, в том числе символического потребления NEET-молодежи [3].

Безусловно, результаты нашего социологического исследования носят ограниченный характер — регионально и кейсово специфичны, но могут дополнить понимание рассматриваемых вопросов в общем и сопоставительном контекстах, показывая неоднозначное отношение современного уфимского студенчества к вере, религии, религиозным практикам и феноменам религии. С одной стороны, мы видим сомнения, долю нетерпимости и резкость суждений, с другой — искренность, стремление понять «сложные вещи», интерес и равнодушие. Ключевыми факторами конструирования религиозной и внерелигиозной идентичности выступают этническая принадлежность, семейное воспитание, место рождения (город/село), а также сложившиеся региональные традиции дискурсивного конструирования религиозного воображаемого. Если религиозная идентичность верующих не основана на определенной традиции, а конструируется посредством доступного знания и меняется при получении нового, то не исключена возможность обращения к богу в жизненно важных для неверующих ситуациях.

Тем самым исследование показало наличие взаимосвязи религии с бытийным представлением о мире независимо от вопросов веры, что созвучно идее П. Бергера, что в каждой культуре формируются разные особенности восприятия религиозного опыта, но их механизмы для индивида схожи

с процессом легитимации субъект-объектных отношений [2. С. 45]. В свою очередь, Т. Лукман показал, что сакральное, священное и религиозное — нечто большее, чем часть религиозного мировоззрения, поскольку они укоренены не только в историко-культурном контексте, но и в самом способе конструирования реальности, а также в личностной потребности в сакрализации знания [2. С. 89].

Представители поколения Z духовно активны, они ищут свою религиозную идентичность и потому декларируют самые разные проявления религиозности в ходе опроса. Кроме того, сегодня религиозная идентичность верующего конструируется не в жестких рамках определенной традиции, а выстраивается и модифицируется посредством знаний, хотя прослеживаются и различия в трактовке и создании образа сакрального у представителей разных конфессий.

Благодарность

Автор выражает благодарность руководителю Лаборатории Digital future — М.Г. Бреслеру за участие в обсуждении результатов социологического опроса.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках программы «Приоритет 2030 — УГНТУ», стратегический проект «Новая среда жизни», научно-исследовательский проект «Социогуманитарное конструирование будущего: мегаполис для поколения Z (цифровая сервис технология MegaZ)». Регистрационный номер НИОКТР — 123050400001–6.

Библиографический список

1. *Батыршина Э.Н.* Соотношение атеистического и религиозного мировоззрения у групп студенческой молодежи (на примере Республики Башкортостан) // Социодинамика. 2017. № 12.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
3. *Буланова М.Б., Артамонова Е.А.* NEET-молодежь: потребительское поведение в новой реальности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 1.
4. *Ивлева М.Л., Курилов С.Н., Россман В.И.* Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3.
5. *Мертон Р., Фиске М., Кендалл П.* Фокусированное интервью. М., 1991.
6. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта). М., 2017.
7. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
8. *Папаяни И.В.* Конструирование образа современного верующего в фильме Б. Дюмона «Хедевейх» // URL: [https:// elib.bsu.by/bitstream/123456789/85504/1/78-81.pdf?ysclid=ljlsxeel16i563774569](https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/85504/1/78-81.pdf?ysclid=ljlsxeel16i563774569).
9. *Руткевич Е.Д.* Молодые поколения и (не) религия // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2023. № 1.
10. *Савченко И.А.* Культурная интеграция иностранного студента в российскую социальную действительность: опыт исследования // Вестник НГУ им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2019. № 4.

11. Савченко И.А. Этнические стереотипы в студенческом сообществе // В мире научных открытий. 2021. № 3.1.
12. Смирнов М.Ю. Социология религии в Российской Федерации: два наблюдения Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2014. № 3.
13. Тарасова Е.О. Семейные ценности в мировых религиозных конфессиях и их влияние на российскую семью // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2.
14. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 2.
15. Троцук И.В., Цимбал М.В. О пользе мифологем для социологического воображения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 3.
16. Устинкин С.В., Ваганов Р.Н., Ваганова Ф.Г. Потенциал организаций мусульманского духовенства в развитии социально-политических процессов в России. Н. Новгород, 2014.
17. Федорова М.В. Динамика религиозных ориентаций российской молодежи в условиях современного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11.
18. Широкалова Г.С., Шиманская О.К., Аникина А.В. Существуют ли гендерные особенности религиозности студенческой молодежи? // Социологические исследования. 2016. № 16.
19. Banerjee K., Bloom P. Why did this happen to me? Religious believers' and non-believers' teleological reasoning about life events // Cognition. 2014. Vol. 133. No. 1.
20. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. Anchor, 1966.
21. Bresler M., Galiullina S., Gerasimova D. Transformation of the values of Generation Z — residents of the digital society of sustainable development // E3S Web of Conferences. Vol. 208. Yekaterinburg, 2020.
22. Green J.M., Phillips L.M. Social threat perception and the evolution of paranoia // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2004. Vol. 28. No. 3.
23. Denton M.L., Pearce L.D., Smith C. Religion and spirituality on the path through adolescence // Research Report. 2008. No. 8.
24. Evans E.M. Cognitive and contextual factors in the emergence of diverse belief systems: Creation versus evolution // Cognitive Psychology. 2001. Vol. 42. No. 3.
25. Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives. Ammerman N. (Ed.). Oxford University Press, 2007.
26. Collins-Mayo S. Youth and religion: An international perspective // Theo-Web. Zeitschrift für Religionspädagogik. 2012. H. 1.
27. Pope B., Price J., Lillard D.R. The impact of religion on youth outcomes // Journal of Business Inquiry. 2014. Vol. 13.
28. Kelemen D. British and American children's preferences for teleo-functional explanations of the natural world // Cognition. 2003. Vol. 88. No. 2.
29. Lindsey L.L. Gender Roles: A Sociological Perspective. N.Y., 2015.
30. Lippman L.H., McIntosh H. The demographics of spirituality and religiosity among youth: International and U.S. patterns // URL: <http://www.childtrends.org/wp-content/uploads/01/Spirituality-and-Religiosity-Among-Youth.pdf>
31. Filimonau V., Kubal-Czerwińska M., Mika M., Zajadacz A. Religious values and family upbringing as antecedents of food waste avoidance // Global Environmental Change. 2022. Vol. 75. No. 6.
32. Trotsuk I. Eschatological conspiracy theories: Models and ways for identifying apocalyptic semantics and syntax // Russian Sociological Review. 2023. Vol. 22. No. 4.
33. Vries de E., Toshkov D.D., van der Pol, L., Groeneveld M. Fathers, faith, and family gender messages: Are religiosity and gender talk related to children's gender attitudes and preferences? // Early Childhood Research Quarterly. 2022. Vol. 21.

Features of the perception and construction of sacred images by the generation Z (on the example of the technical university in the Republic of Bashkortostan)*

I.I. Enikeeva

Ufa State Petroleum Technical University,
Chernyshevsky St., 145, Ufa, 450078, Russia

(e-mail: zekrist@mail.ru)

Abstract. The actualization of the issues of the youth's religiosity and of its scientific interpretation on the example of students, representatives of generation Z (centennials, Gen Z), determined the research questions of the article which aims at identifying centennials' estimates of various religious phenomena and their interpretation of knowledge about it. The theoretical basis of the article are the ideas of social constructionism, which help to understand how young people take part in the creation of such a social construct as religion. The article summarizes the results of the sociological study of ideas about religion among students of the large regional university — Ufa State Petroleum Technical University (Republic of Bashkortostan). The sample consisted of students born after 1995, aged 18 to 26 (N = 1900); the author used the questionnaire with closed questions, narrative interviews and focus groups with the Eastern Regional Studies' students. Based on the results of the survey, the author considers the youth's ideas about religion, religious traditions and practices, their spread in the regional community, and the origins of religious sentiments and attitudes reproduced and constructed by the youth. The author notes the lack of unity in various aspects of the youth's attitude towards religion, which indicates the blurring and eclecticism of religious ideas among the generation Z. Although students declare a wide variety of manifestations of religiosity, the relationship between religion and the existential understanding of the world is clear. Images of the sacred go beyond students' religious worldview, which is due to the way knowledge about reality is constructed and to the individual need to sacralize knowledge. The comparative analysis of the construction of the image of the sacred by Muslim and Orthodox centennials showed some differences: Muslims are more religious; religious tradition seems to be transmitted from generation to generation mainly by the Muslim part of the Gen Z, and, on the contrary, is constructed by Orthodox students in the current social context. However, there is a general trend — religious identity of the believer is not strictly based on a certain tradition but is constructed with available knowledge and changes with new information, which is a typical feature of the generation Z.

Key words: religion; student youth; Generation Z; religious representations; social construction; social reality; identity

References

1. Batyrshina E.N. Sootnoshenie ateisticheskogo i religioznogo mirovozzreniya u grupp studencheskoj molodyozhi (na primere Respubliki Bashkortostan) [Correlation of atheistic and religious outlook among the student youth (on the example of the Republic of Bashkortostan)]. *Sotsiodynamica*. 2017; 12. (In Russ.).

*© I.I. Enikeeva, 2024

The article was submitted on 13.06.2023. The article was accepted on 26.01.2024.

2. Berger P., Luckmann T. *Sotsialnoe konstruirovaniye real`osti. Traktat po sotsologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge]. Moscow; 1995. (In Russ.).
3. Bulanova M.B., Artamonova E.A. NEET-molodezh: potrebitelskoe povedenie v novoy realnosti [NEET-youth: Consumer behavior in the new reality]. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (1). (In Russ.).
4. Ivleva M.L., Kurilov S.N., Rossman V.I. Religioznye tsennosti glazami molodezhi: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [The youth's perception of religious values: A sociological study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (3). (In Russ.).
5. Merton R., Fiske M., Kendall P. *Fokusirovannoe intervyyu* [The Focused Interview]. Moscow; 1991. (In Russ.).
6. Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Tsennostnye orientatsii i socialnoe samochuvstvie studenchestva (rezultaty issledovatel'skogo proekta)* [Value Orientations and Social Well-Being of the Student Youth (Results of the Empirical Study)]. Moscow; 2017. (In Russ.).
7. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelnyy analiz strakhov, nadezhd i opaseniy (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
8. Papayani I.V. Construction of the contemporary believer's image in Bruno Dumont's film "Hedwigh". URL: [https:// elib.bsu.by/bitstream/123456789/85504/1/78-81.pdf?ysclid=ljlsxeel6i563774569](https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/85504/1/78-81.pdf?ysclid=ljlsxeel6i563774569). (In Russ.).
9. Rutkevich, E.D. Molodye pokoleniya i (ne) religiya [Young generations and (non) religion]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 2023; 1. (In Russ.).
10. Savchenko I.A. Kulturnaya integratsiya inostrannogo studenta v rossijskuyu sotsialnyuyu dejstvitelnost: opyt issledovaniya [Cultural integration of the foreign student into the Russian social reality: A study]. *Vestnik NGU im. N.I. Lobachevskogo. Sotsialnye Nauki*. 2019; 4. (In Russ.).
11. Savchenko I.A. Etnicheskie stereotipy v studencheskom soobshchestve [Ethnic stereotypes in the student community]. *V Mire Nauchnykh Otkrytiy*. 2021; 3.1. (In Russ.).
12. Smirnov M.Yu. Sotsiologiya religii v Rossiyskoy Federatsii: dva nablyudeniya [Sociology of religion in the Russian Federation: Two observations]. *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 2014; 3. (In Russ.).
13. Tarasova E.O. Semejnye tsennosti v mirovykh religioznykh konfessiyah i ih vliyanie na rossijskuyu semiyu [Family values in world religious denominations and their impact on the Russian family]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (2). (In Russ.).
14. Turner B. Religiya v postsekulyarnom obshchestve [Religion in the post-secular society]. *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov*. 2012; 2. (In Russ.).
15. Trotsuk I.V., Tsimbal M.V. O polze mifologem dlya sotsiologicheskogo voobrazheniya [On the benefits of mythologies for sociological imagination]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (3).
16. Ustinkin S.V., Vagapov R.N., Vagapova F.G. *Potentsial organizatsij musulmanskogo dukhovenstva v razvitii sotsialno-politicheskikh protsessov v Rossii* [Organizational Potential of the Muslim Clergy in the Development of Social-Political Processes in Russia]. Nizhny Novgorod; 2014. (In Russ.).
17. Fedorova M.V. Dinamika religioznykh orientatsij rossijskoj molodezhi v usloviyah sovremennoogo obshchestva [Dynamics of the Russian youth's religious orientations in the contemporary society]. *Istoricheskie, Filosofskie, Politicheskie i Yuridicheskie Nauki, Kulturologiya i Iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i Praktiki*. 2015; 11. (In Russ.).
18. Shirokalova G.S., Shimanskaya O.K., Anikina A.V. Sushchestvuyut li gendernye osobennosti religioznosti studencheskoj molodezhi? [Is there gender specifics in the religiosity of the student youth?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 16. (In Russ.).

19. Banerjee K., Bloom P. Why did this happen to me? Religious believers' and non-believers' teleological reasoning about life events. *Cognition*. 2014; 133 (1).
20. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge*. Anchor; 1966.
21. Bresler M., Galiullina S., Gerasimova D. Transformation of the values of Generation Z — residents of the digital society of sustainable development. *E3S Web of Conferences*. Vol. 208. Yekaterinburg; 2020.
22. Green J.M., Phillips L.M. Social threat perception and the evolution of paranoia. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2004; 28 (3).
23. Denton M.L., Pearce L.D., Smith C. Religion and spirituality on the path through adolescence. *Research Report*. 2008; 8.
24. Evans E.M. Cognitive and contextual factors in the emergence of diverse belief systems: Creation versus evolution. *Cognitive Psychology*. 2001; 42 (3).
25. *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*. Ammerman N. (Ed.). Oxford University Press; 2007.
26. Collins-Mayo S. Youth and religion: An international perspective. *Theo-Web. Zeitschrift für Religionspädagogik*. 2012; 1.
27. Pope B., Price J., Lillard D.R. The impact of religion on youth outcomes. *Journal of Business Inquiry*. 2014; 13.
28. Kelemen D. British and American children's preferences for teleo-functional explanations of the natural world. *Cognition*. 2003; 88 (2).
29. Lindsey L.L. *Gender Roles: A Sociological Perspective*. New York; 2015.
30. Lippman L.H., McIntosh H. The demographics of spirituality and religiosity among youth: International and U.S. patterns. URL: <http://www.childtrends.org/wp-content/uploads/01/Spirituality-and-Religiosity-Among-Youth.pdf>
31. Filimonau V., Kubal-Czerwińska M., Mika M., Zajadacz A. Religious values and family upbringing as antecedents of food waste avoidance. *Global Environmental Change*. 2022; 75 (6).
32. Trotsuk I. Eschatological conspiracy theories: Models and ways for identifying apocalyptic semantics and syntax. *Russian Sociological Review*. 2023; 22 (4).
33. Vries de E., Toshkov D.D., van der Pol, L., Groeneveld M. Fathers, faith, and family gender messages: Are religiosity and gender talk related to children's gender attitudes and preferences? *Early Childhood Research Quarterly*. 2022; 21.